

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. Шапиро

Демократия
и гражданское общество

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-3-Shapiro.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО*

И. Шапиро

ШАПИРО Изн, профессор кафедры политической науки Йельского университета (США).

Вокруг темы "Демократия и гражданское общество", как мне известно, на протяжении последнего года ведется немало дискуссий в этой части мира. Но попытка непосредственно включиться в развертывающиеся здесь дебаты не входит в мои намерения; я собираюсь поговорить о том, как данный предмет трактовался западной мыслью начиная с XIX века. Возможно, затем в ходе обсуждения нам удастся исследовать, насколько значимы споры на Западе в применении к здешним меняющимся условиям.

I часть будет посвящена рассмотрению институтов гражданского общества с функциональной точки зрения, т. е. выяснению их роли в демократическом политическом устройстве. Во II части меня будет занимать структура самого гражданского общества под углом зрения демократической политики. Вопрос при этом будет стоять так: что отличает демократичное гражданское общество от недемократичного?

Позднее разъяснится, что функциональный и структурный аспекты, будучи, конечно, аспектами совершенно разными, тем не менее взаимосвязаны - правда, сложным образом. К примеру в 1835 г. А. де Токвиль в своем труде "О демократии в Америке" утверждал, что как ни существен для стабильного функционирования демократического политического устройства богатый набор гражданских институтов, важно, что сами они должны быть иерархичны и недемократичны по своей внутренней структуре. Соответственно этому, католическую церковь (Токвиль ошибочно полагал, что она станет господствующей в Америке) и патриархальную семью он считал функциональными демократическими институтами отчасти по причине их внутренне недемократичного характера. Таково лишь одно из видений проблемы; позднее я остановлюсь и на нем, и на других, альтернативных ему.

I. ПЛЮРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ПОЧЕМУ - если только это так - для создания и поддержания демократической политики имеет значение гражданское общество? Современным дискуссиям в США на данную тему положила начало опубликованная в 1966 г. работа Луиса Хартца "Либеральная традиция в Америке", хотя, впрочем, их предвосхитили еще статьи Дж. Мэдисона, Дж. Джея и А. Гамильтона в поддержку проекта федеральной конституции от 1787 г. (объединенные впоследствии в сборник "Федералист"), а также и споры 1920-х годов о роли в американской политике общественных групп, формируемых на основе совпадения тех или иных интересов ("групп интересов"). Хартц был не столько озабочен тем, как функционирует демократическая политика, сколько движим желанием объяснить, как разнится американская политика от политики в Британии и в Западной Европе в целом. Ему в особенности хотелось доискаться объяснения того, почему в американской политике никогда не было мощной социалистической или даже демократическо-социалистической традиции. Ответ его состоял в том, что, в отличие от Европы, Америке не надо было противодействовать феодальному прошлому (его не было); в итоге в ней так и не возникли существующие в других современных западных странах базовые элементы классовой розни, из которых вырастает социалистическая политика.

При разъяснении данной точки зрения Хартц обращался к представлению об американской политике, существовавшему со времени дебатов конца XVIII в. о федеральной конституции, и наиболее систематически изложенному рядом политологов в 1920-е годы: согласно этому представлению, ее своеобразие определяется наличием множества взаимопересекающихся "групп интересов", или фракций, из которых каждая имеет свой собственный состав, свои интересы и свой круг выдвигаемых в повестку дня вопросов. В противоположность европейским обществам, где обнаружилась единая разделительная грань между имущими классами, и остальными, Америка рисовалась в виде общества с множеством разделительных граней, где не имеет места какая-либо базовая или постоянная рассеченность социально-экономического ландшафта.

Поразившее Токвиля в первой трети XIX в. пестрое разнообразие религиозных, профессиональных, семейных и локальных ассоциаций, в чем он увидел отличительную черту Америки, с тех пор еще более увеличивалось, указывал Хартц, и это делало все менее вероятным, что когда-либо возникнет социалистическая традиция, которая сможет объединить в условиях капитализма неимущие классы.

Еще до того, как Хартц предложил свой ответ на вопрос, почему Америке неведом социализм, политологами предпринимались попытки систематического, теоретического осмысления множественности разделительных граней, определяющей американский политический ландшафт. Первоначально это и были те теоретики американской политики, что исповедовали "теорию групп" (начало XX в.); из них наиболее известен Бентли (Bentley). "Каждой группе соответствует интерес, каждому интересу - группа" - таков был их теоретический девиз. После них, уже в 50-60-е годы, пришли теоретики плюрализма, из которых самый знаменитый - Роберт Даль (Dahl). Он подтвердил давнюю заявку приверженцев теории групп, основываясь на серии эмпирических исследований американских городов, когда были показаны широкая рассредоточенность власти в смысле принятия решения вообще, а также наличие реального контроля за принятием решений в публичной сфере по различным вопросам со стороны различных организованных групп. Опубликованное в 1959 г. под заглавием "Кто правит?" исследование Р. Даля, посвященное г. Нью-Хейвену, явилось классическим образцом этого жанра.

"Плюралисты", как и приверженцы теории групп до них, видели свою роль в критике теорий, утверждавших, что один класс или одна социальная группа обладает всей реальной властью в Америке. Среди теорий, которые они отвергали, первостепенное место занимал марксизм, в особенности его тезис, что при капитализме государство - не более чем "исполнительный комитет буржуазии". Но они выступали и против теорий Г. Моски, Р. Михельса, Ч. Райта Миллса и др. - тех, кого относили к "теоретикам элиты" в науке о политике: последние утверждали, что какую бы ни была политическая система, контроль над ней всегда обретается посредством сети неформальных связей и отношений власти та или иная элита. Сформулированный Москвой "железный закон олигархии" явился систематическим выражением этой идеи. Он утверждал, что никакие институциональные механизмы не могут воспрепятствовать контролю над обществом со стороны небольшой, могущественной элиты.

В споре, разгоревшемся среди теоретиков американской демократии между "плюралистами" и "элитаристами", оживают более давние споры о власти. Похожий спор уже вспыхивал в Англии XVII в. между Гоббсом, настаивавшим, что власть во всем ее объеме неделима, так что она всегда сосредоточена в какой-то одной инстанции, и гуманистами, проповедовавшими идеи гражданственности, такими, как Харрингтон; последний ссылался на аристотелеву теорию о том, что власть может быть разделена между институтами, которые представляли бы соответственно одного, немногих и большинство (the many) и ограничивали бы друг друга в гармонично сбалансированной политике. Здесь - исток той гражданско-республиканской теории расчленения власти, принцип которой, как считал Монтескье, мог быть соблюден в разделении власти в Англии XVIII в. между королем, палатой лордов и палатой общин. Та же республиканская теория разделения властей вызвала к жизни и теорию разделения власти в Америке между конгрессом, президентом и Верховным судом, и ею же была частично обоснована федеральная структура Америки, где на различных уровнях управления осуществляются различные типы власти.

Теоретики "плюрализма" 1950-60-х годов считали, что привели значительные свидетельства в пользу того положения, что расчленение власти не только возможно, но что структура американской политики, строящейся на "группах интересов", фактически обеспечила гораздо большее дробление власти, чем это считали достижимым даже старые гражданственники-республиканцы. Рынок политики мыслился теоретиками по аналогии с хозяйственным рынком: правительство, в их представлении, способно откликаться на запросы, выражаемые через фракции и группы интересов, точно так же, как предложение откликается на спрос в экономике.

Проведением этой аналогии "плюралисты" трансформировали наблюдения Токвиля, ранних сторонников теории групп, а также и Хартца насчет пестроты американской политики, множественности разделительных граней в ней в конструктивную теорию демократической политики, получившую известность под названием демократического плюрализма. Отнюдь не страшась результатов дробления власти (как страшались многие

из федералистов в ходе дебатов во времена основания американской федерации), они, напротив, определенно воспринимали такое дробление как благо с точки зрения достижения и поддержания демократической политики. Общество с единой разделительной гранью - а именно такие общества, считал Хартц, можно видеть в Европе - страдает тем недостатком, что в нем любой конфликт отыгрывают все те же взаимно противоборствующие два класса или две группы. Это способствует заострению союзов и фиксации оппозиций, ведет к тому, что один класс (группа) всегда одерживает верх за счет другого и порождает, вместо культуры компромисса и поиска согласия, явление, в этой части мира характеризовавшееся как большевистская политика: позицию, в соответствии с которой оппонентов надо непременно победить, разгромить и навсегда вывести из игры.

В обществе же с множеством разделительных граней конфликт оказывается более сложным и диффузным, требуя постоянных поисков компромисса. Если я противостояю тебе в одном вопросе, но при этом знаю, что по следующему вопросу мы можем оказаться с тобой в союзе против кого-то еще, то у меня есть стимул к тому, чтобы вести себя сдержанно по отношению к тебе и помогать тебе иногда добиваться своего. В мире подвижных, сложных и непредсказуемых союзов и конфликтов большевистская политика скорее всего не возникнет. Вот, стало быть, каким образом усматривается функциональность, какую обладает по отношению к демократическому политическому устройству система разделительных граней, проходящих сквозь классы, расы, этнические группы, религиозные сообщества и профессиональные ассоциации; наличие таких разделительных граней препятствует закреплению конфликта, способствует развитию культуры поиска согласия, культуры компромисса и создает у людей стимулы к тому, чтобы противостоять импульсам, побуждающим к большевистской политике. Даже если различные группы интересов, образующие гражданское общество, в свою очередь контролируются элитами, это - разные элиты, и их движение по орбите политического процесса препятствует формированию правящих коалиций, способных контролировать сам политический процесс.

КРИТИКОВАЛИ плюралистическую теорию демократии по многим основаниям. Тем не менее, она, мне кажется, содержит некоторые элементы истины, имеющие отношение к спорам о демократии и гражданском обществе в странах, вышедших из государственного социализма. Поэтому я сначала скажу несколько слов об основных слабостях этой теории, а затем обращусь к тому, что считаю в ней открытиями, имеющими долговременную ценность.

С тех самых пор, как теория была выдвинута, ее критиковали как неточную в описаниях. В девизе сторонников теории групп "Каждой группе соответствует интерес, каждому интересу - группа" не принималось во внимание, что разные группы располагают далеко не одинаковыми ресурсами для того, чтобы их интересы могли быть реально представлены в политическом процессе. Подобно тому, как хозяйственные рынки откликаются лишь на реальный (платежеспособный) спрос, политический процесс реагирует лишь на организованные группы интересов. И подобно тому, как у многих есть потребности, для выражения которых через рынок они не располагают необходимыми экономическими ресурсами, точно так же многие, имея интересы, не имеют ресурсов, чтобы выразить их через организованные политические группы интересов. Если молодежь, бедняки, люди, потерявшие здоровье, душевнобольные и многие другие не организованы в эффективные группы, то это не значит, что все они не существуют или что они существуют, а их интересы сами собой находят адекватное выражение в политическом процессе. Между тем богатые и сильные обладают необходимыми ресурсами для формирования в высшей степени эффективных групп интересов, часто с штатом освобожденных профессиональных лоббистов и юристов, обращающих всю свою энергию на то, чтобы оказывать влияние на средства информации и государственных должностных лиц с целью обеспечить принятие желательных для них законов и блокирование тех, против которых они возражают.

Порой эта критика по адресу демократического плюрализма излагается неомарксистским языком. В такой форме критическая претензия обычно состоит в том, что разногласия между группами интересов - лишь видимая сторона дела, а суть определяется перевешивающими их различиями в классовой мощи. Впрочем, критика в разнообразных вариантах раздается и с других направлений. Например, исследователи, изучавшие логику общественного выбора, указывали, что система политики, строящейся на группах интересов, ведет к непрерывному возрастанию масштабов управления и это

повсюду на Западе находит выражение в постоянных приращениях правительственных расходов, налогообложения и использования заемных средств.

Причина в том, что группы интересов, формируемые каждая вокруг какого-то одного предмета забот (таковы, например, те, кто имеет дело с недвижимостью и желает налогового законодательства, благоприятного для приобретателей жилья, таковы фермеры, стремящиеся получать субсидии на свое зерно, и др.), договариваются между собой об оказании поддержки друг другу в проведении нужного законодательства; несение же издержек по его осуществлению возлагается на общество в целом через повышение уровня налогообложения и увеличение займов правительству. Таким же образом ведут себя и политики, договариваясь о поддержке излюбленных проектов друг друга в своих штатах и округах и формируя коалиции для лоббирования общего увеличения налогов или предоставляемых правительству займов для покрытия издержек. Такая система иррациональна в том смысле, что электорат никогда не согласился бы на требуемые уровни налогообложения, если бы с ним советовались, а между тем именно предпочтения избирателей, поскольку они выражаются через сеть групп интересов, вырастающую вокруг политического процесса, оборачиваются постоянным увеличением масштабов управления. Этот процесс почти невозможно обратить вспять, ибо каждая группа отстаивает свой особый интерес и имеет в своем распоряжении политиков и представителей, жизненно зависящих от нее. Даже когда платформой, на которой правительства приходят к власти в результате выборов, является сокращение налогов - как это было, например, с администрациями Рейгана в 1980-1988 гг., - это не оказывает видимого влияния на процесс разрастания управления; просто налоги заменяются расходами в счет дефицита. Из всего этого, указывают некоторые политологи, в итоге выходит не плюралистическая демократическая система, а система, в которой хорошо организованные и могущественные группы интересов обогащаются за счет все более агрессивных набегов на государственную казну.

Плюралистическая система демократической политики квалифицировалась как иррациональная также и в более глубоком смысле. Давно известно, что мажоритарные политические системы обнаруживают потенциально порочные, с точки зрения теории демократии, свойства. Они потенциально порочны в том смысле, что хотя принцип принятия решений большинством голосов (принцип большинства) должен, по замыслу, достоверно выявлять желания большинства граждан, в практике его применения может возникать динамика (голосований), способная перечеркнуть эту цель.

Вспомним простой пример, приводившийся два столетия тому назад французским философом Кондорсе, и рассмотрим случай, когда как минимум трем голосующим (I, II и III) предстоит, применив принцип большинства, остановить свой выбор на одном из трех вариантов политики (A, B и C) при следующем соотношении предпочтений:

I предпочитает вариант A варианту B и вариант B варианту C;

II предпочитает вариант C варианту A и вариант A варианту B;

III предпочитает вариант B варианту C и вариант C варианту A.

Кондорсе обратил внимание на парадоксальность этой ситуации: имеется и большинство, предпочитающее вариант A варианту B (I и II), и большинство, предпочитающее вариант B варианту C (I и III), и, наконец, большинство, предпочитающее вариант C варианту A (II и III). Словом, на основе принципа большинства при данной форме предпочтений может пройти любой из вариантов в зависимости от очередности, в какой они ставятся на голосование, и от того, какой вариант с каким сравнивается. Во-первых, стало быть, то, что выглядит как выражение воли большинства, на самом деле может ничего подобного собою не представлять. А во-вторых, в тех случаях, когда образуются и становятся известны такого рода замкнутые круги предпочтений голосующего населения, процедурами голосования может манипулировать всякий, кто контролирует круг вопросов, выносимых на голосование, и порядок постановки на голосование различных предлагаемых вариантов. В наши дни имеется обширная литература по технологии голосований, где рассматриваются моменты нестабильности, присущие принципу большинства и другим демократическим процедурам принятия решений. В этой литературе ставятся серьезные вопросы относительно рациональности решений, принимаемых в рамках мажоритарной политики, и относительно стабильности любых результатов, достигаемых применением принципа большинства.

И в неомарксистской критике демократических процедур, и в критике их с позиций анализа технологии содержатся существенные верные наблюдения, которые, однако, не надо и переоценивать. Размышляя над ними, нам следует помнить замечание Джона Дьюи о том, что "всякая разумная социальная критика сравнительна. Она имеет дело не с ситуациями выбора между "все" и "ничего", а с практическими альтернативами". При оценке демократических правил принятия решений надо задаваться вопросом: по сравнению с чем? Коль скоро недостатки имеет любой порядок принятия решений, указание на то, что принцип большинства страдает таковыми, мало что дает. Мы будем поступать мудро, всякий раз напоминая себе, что живем в несовершенном мире, и оценивая несовершенные методы принятия решений в сравнении их с другими несовершенными методами, а не с идеальной моделью, которую невозможно реализовать где бы то ни было.

Кроме того, определенными мерами можно смягчать воздействие недостатков мажоритарных процедур.

Что касается недостатков, отмечаемых критикой, которую я определил - пожалуй, несколько огульно - как неомарксистскую, то в демократических системах может кое-что предприниматься для ограничения реальной власти политических групп интересов и для наделения дееспособностью тех групп, которые фактически ее лишены, ибо выключены из демократического процесса. Могут ставиться ограничения влияния денег в политике (путем фиксирования предельных сумм, которые разрешено выделять на проведение политических кампаний, сужения круга оплачиваемых должностей, разрешенных политикам, и др. мерами); факторы, препятствующие обретению дееспособности группами, которые ее фактически лишены, могут устраняться законодательством, судебными решениями или тем и другим вместе. В деле ограничения влияния денег в политике Соединенные Штаты имеют не слишком внушительные достижения по сравнению с западноевропейцами; зато США сделали, пожалуй, больше, чем другие демократические системы, для наделения дееспособностью групп, прежде ее лишенных. Отчасти ввиду особой роли судов в американской системе, но главным образом благодаря законодательству 1960-х годов о гражданских правах черные и другие отверженные группы наделены дееспособностью и включены в систему в такой мере, в какой это мало кому показалось бы возможным тридцать лет назад.

Что же касается тех элементов произвольности и нестабильности в действии принципа большинства, которые проистекают из самой технологии, то и здесь возможны меры по ограничению неблагоприятного влияния недостатков этой технологии, например: принцип квалифицированного большинства, предупреждающий возникновение замкнутого круга предпочтений; ограничения на допустимое разнообразие самого набора предпочтений, выражаемых через политический процесс. Между прочим, структура различных предпочтений часто вовсе и не складывается так, чтобы получались парадоксальные результаты, и это вообще снижает практическое значение некоторых замечаний относительно неустойчивости действия принципа большинства, проистекающей из его технологии.

Наконец, следует заметить, что с точки зрения плюрализма и демократической политики некоторая степень неустойчивости, заложенная в структуру политической системы, является желательным свойством последней. Недостатком систем с единой разделительной гранью, с точки зрения теории плюрализма, является как раз то, что они слишком устойчивы. В них всегда одна сторона одерживает верх и одна сторона проигрывает. Достаточно вспомнить конфликты между католиками и протестантами в Северной Ирландии, чтобы увидеть, что за технологической стабильностью результатов - и именно в силу такой стабильности - может таиться социальная нестабильность. Если для лишенных дееспособности не существует хоть какой-то возможности достигать своих целей посредством системы, то у них нет никаких причин сохранять приверженность ей.

В технологически устойчивых системах, таким образом, может рождаться широкое недовольство; они по своей природе негибки и просто не усматривают какой-либо возможности порождения ожесточенного конфликта, сопряженной с обходом, если не разрушением, политической системы. Суть же идеи плюрализма в том и состоит, чтобы такая возможность упреждалась множественностью взаимопересекающихся разделительных граней, вследствие которой различные расовые, религиозные, идеологические и другие группы всегда имели бы стимулы к переговорам и компромиссу друг с другом и могли избежать импульсов, побуждающих к большевистской политике. Иллюстрацией того, как это на деле происходит, могут служить недавние споры вокруг

назначения негра-консерватора Кларенса Томаса членом американского Верховного суда. По данному поводу черная община, традиционно всегда выступавшая против консерваторов, разделилась; это назначение породило союзы между приветствовавшими его консерваторами-черными и консерваторами-белыми (между тем как всего тридцать лет назад возражения у последних вызывало само предоставление черным избирательных прав), а также между участницами феминистского движения и негритянскими либеральными группами: те и другие считали, что имеют основания выступать против. В итоге, в частности, значительная доля черных добилась желаемого для себя таким путем, какой прежде был бы невозможен, обрела кровный интерес, связанный с существующим устройством, а равно и немаловажный источник политической самоидентификации. Вот какого рода социальной стабильности способствует плюралистическая политика.

Как это относится к строительству демократии в странах, выходящих из государственного социализма? Представляется резонным отметить, даже и не будучи экспертом в данном вопросе, что коммунистические партии, что бы они ни говорили, создали общество с единой разделительной гранью, и проходила эта разделительная грань между партией и остальным обществом. Коммунистические партии стремились также разрушить автономию "вторичных ассоциаций" демократии, как называл Токвиля этнические, религиозные, профессиональные, рабочие и локальные ассоциации, составляющие ту плотную структуру гражданского общества, из которой может вырастать плюралистическая политика. Думается, важным продвижением вперед сейчас явилось бы восстановление дееспособности таких групп и содействие их вовлечению в политическую жизнь; в конечном счете это будет даже важнее, чем проведение какой-либо конкретной политики или программы.

II. СТРУКТУРА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ДО СИХ ПОР нас занимало гражданское общество в функциональном аспекте. Мы отвечали на вопрос: какую роль в действии демократической политической системы играют гражданские институты? Теперь фокус нашего внимания перемещается * на внутреннее строение гражданских институтов.

Часто говорят о том, что вполне развитое гражданское общество – сердцевина добротного функционирующего демократического устройства; реже уделяют внимание тому, из чего же это гражданское общество состоит. В реальности его институты сильно разнятся один от другого и часто являются предметом жарких политических споров. Семейные отношения, религиозные институты, профессиональные союзы, локальные ассоциации и т. д. могут быть устроены самым различным образом, и одни способы их устройства являются более подходящими для демократической политики по сравнению с другими.

Свое изложение этого вопроса я построю вокруг двух соперничающих демократических традиций в дискуссиях о структуре гражданского общества: либерально-демократической и социал-демократической. Первая находит отражение в сочинениях Токвиля, о чем уже упоминалось. Ее отстаивал также Дж. Ст. Милль, особенно в сочинении "О свободе"; ей привержены и такие современные авторы, как Исайя Берлин. Вторая традиция может быть прослежена как восходящая к зрелым произведениям Ф. Энгельса, например "Происхождение семьи, частной собственности и государства"; ныне она находит выражение в литературе по производственной демократии - в работах Кароля Пейтмана (Pateman), Р. Даля и др., а также в тех дискуссиях о демократизации семьи, что исходят от феминистских движений на Западе. Я остановлюсь, на каждой из этих двух традиций и на тех трудностях, с которыми обе они сталкиваются, а затем обращусь к рассмотрению смешанной или срединной аргументации, в которой используются те или иные аспекты сразу обеих традиций.

1. ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОДХОДЕ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ДЕМОКРАТЫ ставят свободу (liberty) выше всех других ценностей. Правда, авторы вроде Токвиля выделяют другие ценности, особенно равенство, но это обычно для того, чтобы было удостоверено, что человеческую свободу (freedom) они не извращают. Непосредственную аудиторию Токвиля как автора книги "О демократии в Америке" составляли клерикалы и ультраконсерваторы, поддержавшие реакционную

реставрацию Карла X во Франции. Основная идея книги Токвиля, обращенная к ним, заключалась в том, что возрастающее влияние эгалитарных идеологий в современном мире неодолимо; он даже выдвигал предположение, что оно предопределено провидением. Те, кто попытается в полной мере противодействовать этому влиянию, утврждал он, будут сметены; лишь те, кто пойдет на определенные уступки, могут надеяться поладить с этим влиянием, контролировать его и воздействовать на его направление в будущем. События 1848 г., когда во Франции вновь разразилась революция, доказывают справедливость такого утверждения, писал Токвиль в предисловии ко второму изданию книги. Опять, как и в 1830 г., реакция породила революцию, и та сметает все, чем дорожат аристократические классы; осмотрительнее было бы попытаться поладить с эгалитарными порывами, пойдя им на уступки.

Если теоретики, принадлежащие к либерально-демократической традиции, выше всех других ценностей ставят свободу, в каком тогда смысле их можно считать демократами? Ответ определяется их отношением к демократии - инструментальным от начала до конца: демократия есть благо постольку, поскольку она оберегает свободу, и демократическую политику должно строить, имея в виду эту цель. Если спросить либерального демократа, почему в демократическом обществе имеет значение гражданское общество, получим ответ: оно образует ряд защитных структур между индивидом и государством. Такую точку зрения называют иногда негативно-либертарной: свобода понимается здесь как свобода от вмешательства извне, в особенности со стороны государства. Негативно-либертарная точка зрения не содержит каких-либо указаний ни на то, каким образом эта свобода может быть употреблена на различных жизненных поприщах, ни на те ресурсы, коими люди могут обладать либо не обладать для того, чтобы этой свободой пользоваться. Потому-то критики негативно-либертарной традиции, точку зрения которых называют иногда позитивно-либертарной, в полемике используют замечание, брошенное некогда Анатолем Франсом: с негативно-либертарной точки зрения, говорят они, "нищие пользуются свободой спать под парижскими мостами". В их же собственном, позитивно-либертарном понимании свобода не просто требует, чтобы нас предоставили самим себе; по их мнению, мы свободны лишь в том случае, если имеем возможность поступать, действовать определенным образом; свобода - это свобода чего-то. Часто требуется активное вмешательство государства, которое бы позаботилось, чтобы люди располагали ресурсами, необходимыми им для пользования своей свободой.

С точки зрения представителей негативно-либертарной традиции, таких, как Дж. Ст. Милль, Токвиль и Берлин, гражданское общество - источник смысла и ценности жизни. Демократические институты должно строить так, чтобы сделать максимальной для людей свободу поступать, действовать на различных жизненных поприщах так, как им угодно. Токвиль не только считал, что демократической практике нет подходящего места в рамках гражданского общества, но шел и дальше, полагая, что попытки выстроить гражданские институты на демократический лад, вероятно, потерпели бы неудачу. В той мере, в какой они были бы успешны, считал он, они в любом случае подрывали бы или извращали практику демократической политики.

Почему он так считал? Дело в том, что в таких гражданских институтах, как семьи, церкви, профессиональные и локальные ассоциации, он видел инстанции, где формируется культурная самоидентичность людей. Он полагал, что это особенно важно в демократических обществах, где не существует системы ценностей, разделяемых в силу авторитета политического центра, каковым такая система предписывается в обществах аристократических. Если государство более не формирует и не выдвигает своих подданных, рассуждал он, то источник норм и ценностей должен для них находиться в лоне институтов гражданского общества. В противном случае людям пришлось бы вырастать, не обладая ни ценностями, которые связывали бы их в единое общество, ни способностями вершить свои жизни в качестве индивидов. Господствовала бы "тирания большинства", всеобщая уравнительность в масштабе целого общества, результатом чего было бы запустение социального ландшафта, который стал бы и социально дисфункциональным, и отчуждающим для индивида.

ТРУДНО, находясь здесь сегодня, не отдать должное проницательности, с какой Токвиль, говоря о гражданских институтах, указал на вероятные катастрофические последствия всеобщей уравнительности во имя эгалитарной идеологии. Тем не менее отстаиваемое им видение гражданского общества само наталкивается на определенные затруднения. Я коснусь двух таких затруднений, из которых одно теоретическое, другое - практическое.

Теоретическое затруднение в том, что в такого рода либерально-демократическом видении свобода оберегается за счет разрушения демократии. Если все институты, выстраивающие повседневную жизнь людей, недемократичны в своей внутренней организации и при этом закрыты для вмешательства государства, то непонятно, в каком же смысле жизнь людей будет протекать демократически. Далее, если гражданские институты должны стать теми инстанциями, где люди научаются противостоять искушениям большевистской политики (как уже говорилось в части I), неизбежно возникает вопрос, каким образом это может произойти, если гражданские институты по характеру сами архаичны. Демократическим привычкам самоограничения, поиска согласия и компромисса надо учиться, но едва ли удастся научиться им в институтах, где они не практикуются. Этот аргумент все чаще приводится на Западе теми, кто выступает с критикой патриархальной семьи с феминистских позиций, а также сторонниками производственной демократии. Те и другие, возражая либеральным демократам, утверждают: вместо того, чтобы охранять гражданское общество от политики, следует рассматривать гражданские институты как политические от начала до конца. Если мы хотим прийти к демократической политической культуре, подчеркивают эти критики, нам надо перестраивать гражданские институты таким образом, чтобы они и сами отражали те демократические ценности, которые мы хотим, чтобы они прививали.

Практическое затруднение, на которое наталкивается либерально-демократическая традиция в подходе к гражданскому обществу, состоит в том, что в этой традиции внимание сосредоточивается исключительно на разрушительной энергии государства. Хотя централизованные государства могут оказывать огромное разрушительное воздействие на гражданские институты, как то было удостоверено в вашей части мира коммунистическим опытом, они являются не единственными разрушительными общественными силами, на которые нам надо обратить внимание. В частности, нам надо учесть ту возможность - мимо нее прошел Токвиль, - что институты гражданского общества могут взаимно подрывать друг друга.

Нет никакого сомнения, что Токвиль недооценил степень, в какой частная собственность и рыночные хозяйства преобразят весь социальный ландшафт западных стран. Не случайно в своем богатом идеями оправдании капитализма в 1942 г. Йозеф Шумпетер расписал свойственную капитализму способность нести с собой, как он выразился, "созидательное разрушение". Неослабная новаторская динамика, которая и сообщает капитализму его производительную мощь, есть в то же время динамика, преобразующая все, с чем он соприкасается. Политику, семью, жизнь, даже религиозную практику - все это чем далее, тем более неумолимо подчиняет своим требованиям и переделывает по своему образу и подобию мотив прибыли. О значимости этой угрозы красноречиво свидетельствует то, до какой степени сегодня в Соединенных Штатах Политика и религия вращаются - развращаясь - вокруг стремления делать деньги. Это игнорируют или недооценивают комментаторы, принадлежащие к либерально-демократической традиции в подходе к гражданскому обществу.

2. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОДХОДЕ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

В СОПОСТАВЛЕНИИ с этими изъянами либерально-демократической традиции сравнительно привлекательной кажется традиция социал-демократическая. Приверженные ей теоретики всегда признавали гражданское общество сердцевинной политикой и считали, что демократизация политической жизни должна брать свое начало в демократизированном гражданском обществе. Они избегают мышления в негативно-либертарных категориях. А в итоге - не рассматривают политику в качестве особой деятельности, которой надлежало бы быть оторванной от гражданского общества с тем, чтобы жизнь в последнем шла сама по себе. Они, напротив, полагают, что политика неизбежно пронизывает собою общественную жизнь, ибо ее, общественную жизнь, пронизывают властные отношения, и что демократия может быть действительно демократией лишь в том случае, если она формирует облик тех властных отношений, которые, в свою очередь, формируют облик гражданского общества. Кроме того, они ни на минуту не упускают из виду, что со стороны одной сферы гражданского общества ~ в современном капиталистическом мире заметнее всего в этой роли рынок - может проявиться в отношении других сфер разрушительный для тех экспансионизм. Они по меньшей мере сомневаются, чтобы такой процесс разрушения мог явить ту созидательность, о какой говорил Шумпетер; им представляется, что этот процесс оказывает на гражданское общество всеподчиняющее и всеуравнявающее воздействие,

такое же опустошительное, как и господство государственных институтов, страшшее либеральных демократов.

В предотвращении этого и видят теоретики, приверженные социал-демократической традиции, задачу демократического государства. Государство, по их мнению, должно участвовать в обеспечении функционирования гражданских институтов, дабы гарантировать, что они будут управляться демократически и что одна часть гражданского общества - как, например, рынок - не превратится в экспансионистскую силу, разрушающую все, что несовместимо с ее логикой.

ЗАТРУДНЕНИЯ, на которые наталкивается социал-демократический проект, поскольку он мыслится так, как мы описали, известны. Я остановлюсь на двух из них.

Первое состоит в том, что для демократизации гражданского общества государственные институты представляют собой в высшей степени неэффективные инструменты. Они часто не располагают необходимым знанием специфического контекста, так что их попытки осуществлять регулирование могут оборачиваться неприятными неожиданностями, рождать дорогостоящие и бесполезные бюрократические структуры: их начинает больше всего заботить собственное существование и они мало что делают для устранения обнаруживаемых ими препятствий на пути демократии. Для иллюстрации этого часто ссылаются (сошлемся и мы) на историю антитрестовского законодательства в США (законодательства, запрещающего образование олигополии и монополий в экономике). Даже экономисты вроде Дж. К. Гэлбрейта, являющиеся социал-демократами по своим склонностям, определенно утверждают, что антитрестовское законодательство не оказало значительного влияния на уровни концентрации в экономике.

Второе, и более глубокое затруднение, на которое наталкивается социал-демократический проект, связано с тем, что в нем не дается ответа на законные опасения либеральных демократов перед мощью государства. Можно согласиться с социал-демократами, что в современных обществах имеются другие источники господства, помимо государства, но дает ли это основание не опасаться тиранического потенциала, содержащегося в попытках исправить такое положение, прибегнув к помощи государства? Вряд ли есть необходимость особо подчеркивать данный момент в контексте настоящего обсуждения.

На Западе исследователи проблем семьи от Жака Донзело (Donzelot) до Кристофера Лэша (Lasch) указывали, что именно это произошло в связи с движениями за реформы, нацеленные на подрыв патриархальной семьи, господства мужчины в семье. Эти исследователи отмечали, что если явления патриархальщины XIX в. делали женщину предметом брачных сделок, жертвами унижительных двойных стандартов в половой морали и вообще обрекали на жизнь в подчинении, то пришедшая на смену система, когда при заключении брака соглашением супругов устанавливаются его условия (количество детей, условия развода), отдает женщину во власть более тонких механизмов контроля. Реформа института брака явилась неотъемлемой составной частью "пришествия государства-целителя". Держа сторону слабейших в семье против патриархальной власти, врачи, психиатры, психологи и целители разного рода стремились превратить женщин прежде всего в проводников новой медицинской морали, точно так же, как они были прежде всего проводниками патриархальной культуры при старом режиме. По выражению Донзело, отвергнув патриархальщину, "сменили управление семьями на управление посредством семьи", приведя людей к покорности и послушанию медицинскому авторитету и сузив пределы их действительной свободы.

3. АРГУМЕНТАЦИЯ СРЕДИННОГО ПОДХОДА К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

ТРУДНОСТИ, на которые наталкивается социал-демократический подход и на которые указали Лэш, Донзело, Гэлбрейт и др., побудили некоторых политологов к поиску и освоению срединного концептуального пространства между либерально-демократической и социал-демократической традициями в подходе к гражданскому обществу. Об усилиях в этом направлении и пойдет речь в завершающей части моего доклада.

Одна из попыток такого рода была предпринята Майклом Уолзером (Walzer) в работе "Сферы справедливости" (1983). В ней он утверждает, что главные источники несправедливости в сложных обществах, как наше, ведут происхождение от того самого

империализма (экспансионизма), на который и указывают социал-демократы. Индивиды или классы в одной области социальной жизни начинают подчинять своему воздействию, влиянию и господству то, что происходит в других. Уолзер признает, что государство не обладает ни необходимым знанием, ни потенциалом для демократического переустройства каждой из сфер гражданского общества, поэтому он отводит государству посредническую роль. Главная задача государства - не допустить внутреннего империализма, для чего ему нужно укреплять границы между различными сферами гражданского общества, не пытаясь регулировать то, что происходит в них самих.

Социал-демократов, замечает он, гораздо меньше тревожили бы огромные разрывы в величине богатства в экономике, если бы они не видели оснований при этом полагать, что такое неравенство может превращаться в неравенство власти в других сферах (например, путем купли политического влияния). Таким образом, он считает, что государство должно стремиться ограничить воздействие экономического неравенства на политическую систему (при помощи законов против взяточничества и других мер регулирования роли, какую может играть в политике частное богатство); однако оно не должно пытаться влиять на структуру неравенства в самой экономике. Государство должно заниматься проведением (и поддержанием надежности) границ между различными сферами, составляющими в своем разнообразии богатую панораму гражданского общества; претендовать же на что-либо большее, считает он, - дело безнадежное.

В одной своей недавней работе я тоже попытался обосновать промежуточный вариант между либерально-демократической и социал-демократической традициями, но у меня он, по сравнению с Уолзером, несколько ближе по духу к социал-демократической традиции. Я согласен с Уолзером в том, что государству не следует пытаться формировать цели, которые люди преследуют в различных областях жизни, но я утверждаю, что на его долю все-таки выпадает контрольная или регулирующая роль как в структурировании того, что происходит в различных сферах гражданского общества, так и в отношениях между такими сферами.

ОСТАНОВЛЮСЬ на этом подробнее. Отстаиваемое мною представление о структурировании гражданского общества зиждется на убеждении, что, как ни существенна демократия для справедливого устройства общественных отношений, надо отвергнуть всякую мысль о том, что она есть единственное или высшее благо человека. Да, надо, чтобы наша жизнь была прожита в условиях демократии, но она требует и многого другого, чтобы удовлетворить нас, и неразумно рассчитывать, что демократия доставит нам все это. Демократия - подчиненное благо; она действует наилучшим образом, когда структурирует человеческую деятельность, не определяя этим ее протекания. Она подразумевает определенные обязательные моменты для всякого человеческого взаимодействия, однако в различных сферах такие обязательные моменты вырабатываются различным образом в зависимости от ценностей и чаяний людей, от влияния деятельности в одной сфере на другие сферы, от наличия ресурсов в них и от ряда других факторов, связанных с перечисленными.

Из моего понимания демократии как подчиненного блага следует, что требования соблюдения демократии должны играть свою роль по отношению к трем взаимосвязанным моментам складывания гражданского общества.

Свою роль они должны сыграть, во-первых, при определении базовых ценностей, вокруг которых гражданское общество организуется. В этой связи я согласен с такими теоретиками, как Уолзер и Аласдэйр Макинтайр (A. Macintyre), которые считают, что участники различных сфер социальной жизни вообще должны быть вольны сами договариваться и определять цели своего сотрудничества. Намечаемые людьми в различных сферах задачи разнятся во времени и пространстве. Ошибочно ожидать, чтобы некая философская теория выработала концепцию ценности - пусть это будет аристотелева таблица добродетелей, марксизм, утилитаризм или что угодно другое, - вокруг которой при подходящих условиях могло бы сложиться согласие. Моя аргументация обосновывает требование сохранения - до определенной степени - целостности различных сфер социальной жизни, с тем чтобы люди могли открывать для себя и подвергать обсуждению ценности, коим они будут следовать.

Слова "до определенной степени" указывают на второй вариант, в отношении которого в складывании гражданского общества должны играть свою роль требования демократии. Социальный мир полон иерархий различного рода, действие которых

сказывается в навязывании людям - в той или иной мере - ценностей, а также и способов следования им. Размышляя над этим фактом, я обнаруживаю, что расхожусь здесь во мнениях с такими теоретиками, как Уолзер и Макинтайр. Они ссылаются на согласие относительно ценностей в рамках различных сфер гражданского общества, доказывая, что целостность последних должна быть ненарушима. Этим теоретикам их апелляции к людскому согласию представляются вытекающими - по крайней мере отчасти - из подсказок демократической моральной интуиции; у меня же основополагающая апелляция к демократии зиждется на противоположной интуиции: что некоторое несогласие существенно важно для здорового устройства всякой сферы гражданского общества. Почти в любой человеческой деятельности обнаруживается несогласие между участниками в отношении ее целей и наилучших путей их достижения, а если и встречается практика, не отягощенная несогласием, то сплошь и рядом в таких случаях в подлинности согласия есть веские основания сомневаться; консенсус одного есть часто гегемония другого. Большинство из нас знает, что согласие может маскировать собой что угодно, от массовой преданности чему-то или кому-то на манер культа до различного рода маневрирования, либо, наоборот, неведения собственных интересов, а также неумения их отстаивать. Высокий курс, по которому западные политологи столь часто оценивают согласие, является искусственным и вводит в заблуждение.

Ввиду этой реальности я стал на ту точку зрения, что следует всемерно ограничивать, подрывать, умерять иерархии, пронизывающие собой социальную жизнь, с тем чтобы иметь и пространство, и механизмы для урегулирования несогласий. Я отстаиваю желательность того, чтобы для всех видов социальной практики существовали некоторые обязательные моменты, но речь идет о регулирующих моментах, без однозначных предписывающих установлений и при чутком отражении специфики контекста.

Я не утверждаю, что надо подрывать иерархии во всех случаях. Без них не могут обойтись многие виды человеческой деятельности. Собственно, иерархией той или иной степени выраженности пронизано все, что мы делаем, - настолько многое в поведении человека должно им усваиваться в результате научения. И все же есть веские основания относиться к социальным иерархиям с опаской - очень уж часто они вырождаются в системы господства: иерархии необязательные, такие, без которых можно обойтись, существуют, принимая видимость неотвратимо складывающихся; реальность иерархий, складывающихся отнюдь не на основе свободного выбора, затемняется терминологией согласия; ненужные иерархии стараниями тех, кому они приносят выгоду, предстают в виде существенно важных для общих целей; а жестко закрепленные иерархии окутываются туманом мифов о царящей в них мобильности. Позиция, которую я обосновываю, побуждает пристально и строго присматриваться к существующим иерархиям и изыскивать для смягчения их ненужного и разъедающего воздействия институциональные регуляторы. Разработка регулирующих механизмов, которые могли бы, сохраняя свой подчиненный характер, в то же время обеспечивать указанный эффект, - вот творческая задача для демократов. Разумное ее осуществление возможно лишь при доскональном знакомстве с соответствующей сферой в контексте ее истории. Таким образом, моя общая аргументация, ориентирующая на попытки разрабатывать такие регулирующие механизмы, затем по мере развертывания начинает испытывать недостаток собственного рационального потенциала, и тогда мы обращаемся к поискам аргументации, идущей от специфического контекста.

Наконец, в-третьих, требования, проистекающие из приверженности демократии, должны играть свою роль в том, какими методами мы стремимся достичь демократизации гражданского общества. В данном пункте следует серьезно отнестись к возражениям, которые выдвигают по адресу социал-демократической традиции ее критики. Обращение к демократическим регуляторам тех процессов, которые происходят в различных сферах социальной жизни, должно вообще осуществляться демократическими способами. Это верно по двум соображениям, вытекающим из уже сказанного.

Первое из них следует из замечаний о ценностях, являющихся базовыми для различных сфер гражданского общества. Мое утверждение о необходимости уважения автономии таких сфер - в определенных пределах - основывается на том доводе, что люди должны быть вольны сами, в рамках, определяемых демократическими регуляторами (а эти рамки не фиксируются раз навсегда, но со временем меняются) решать, какие блага им преследовать и каким образом. Данной позиции явственно противоречит всякая мысль о навязывании людям определенного набора ценностей во имя какой-либо политической теории.

Второе соображение: вводимые согласно требованиям демократии регулирующие моменты вытекают не из умозрительного проекта, а из досконального знания того, какими путями различные виды социальной практики становятся подвержены разложению и вырождению в системы господства. Обычно блага, вокруг которых вращается социальная жизнь в различных ее сферах, в лучшем случае находятся в развивающемся противоречии с демократическим идеалом. Попытки строить жизнь в этих сферах по возможности на более демократических началах часто означают вступление на неисследованную территорию; в итоге же всегда оказывается, что и место есть творческому демократическому почину, и нужда в нем.

С этой реальностью находятся в разладе авангардистские идеалы, типа ленинских, ибо они основываются на той посылке, что существуют кадры сведущих лиц, составивших правильный демократический проект или знакомых с таковым, а потому наилучшим образом подготовленных для того, чтобы предписывать решения проблем. Моя аргументация в пользу демократической справедливости является антиавангардистской от начала до конца; руссоистскую идею о том, что людей можно заставить быть свободными, если только сумеешь отыскать верный рецепт, в ней предлагается отбросить и начать с исходной посылки, что никакого верного рецепта нет. В таком мире скорее именно демократические методы политических нововведений, а не имеющие хождение альтернативы им, окажутся, вероятнее всего, эффективными и состоятельными.